

**МИРЫ
АЙЗЕКА
АЗИМОВА**

Айзек Азимов

Всего один концерт

Серия «Рассказы о демоне Азазеле»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158213

Миры Айзека Азимова. Книга 12: Полярис; Пуга; 1994

Оригинал: Isaac Asimov, "One Night of Song"

Перевод:

Михаил Борисович Левин

Аннотация

В первом из рассказов о двухсантиметровом демоне Азазеле «Всего один концерт», постоянный герой цикла Джордж из-за свойственного ему милосердия помог своему приятелю Эндрю Мортенсону, которому дала отворот-поворот его подружка. Она пела в церковном хоре и Эндрю попросил, чтобы Азазел дал ей на три часа идеальный голос. Когда она после этого вечером запела – это было так божественно, что когда истекли три часа, для нее это был настоящий удар. Как жестока оказалась месть...

Айзек Азимов

Всего один концерт

У меня есть приятель, который иногда намекает, что умеет вызывать духов из бездны.

По крайней мере, как он утверждает, одного духа – очень маленького и со строго ограниченными возможностями. Об этом он, впрочем, заговаривает не раньше четвертого бокала шотландского с содовой. Здесь очень важно поймать точку равновесия: три – он слыхом не слыхивал ни о чем спиритическом (кроме виски и джина), пять – и он уже спит.

В тот вечер мне казалось, что он как раз вышел на нужный уровень, и я его спросил:

– Вы помните, Джордж, о вашем спиритусе?

– М-м? – Джордж уставился на свой стакан, пытаясь понять, что именно о нем он мог забыть.

– Не винный спирт, Джордж, а тот дух, помните – два сантиметра ростом, которого вы вроде бы вызывали из какого-то другого места, где он якобы существует. Ну, тот, со сверхъестественными возможностями.

– А, – сказал Джордж, – это Азazel. Конечно, его зовут не так, но настоящее его имя, боюсь, не произнести, так я его зову этим. Помню его.

– Вы часто его используете?

– Нет. Опасно. Слишком опасно, Всегда есть соблазн по-

играть с этой силой. Сам я весьма осторожен, вдвойне осторожен. Но я, как вы знаете, человек высокой этики и вот однажды почувствовал, как сострадание призывает меня помочь своему другу. Но что из этого вышло! Даже сейчас мучительно вспоминать.

– А что случилось?

– Может быть, я должен с кем-то разделить этот груз, лежащий на моей душе, – задумчиво сказал Джордж. – Нарыв должен прорваться...

Я был много моложе в те времена (так говорил Джордж), в том возрасте, когда женщины составляют значительную часть жизни. Теперь, оглядываясь назад, понимаешь, что это глупо, но тогда, я помню, очень было небезразлично, какая именно женщина будет рядом.

На самом деле ты просто запускаешь руку в мешок, да и вытащить оттуда примерно одно и то же, но в те года...

Был у меня друг по имени Мортенсон – Эндрю Мортенсон. Вы вряд ли его знаете. Я его и сам последние годы не очень часто вижу.

Дело было в том, что он сходил с ума по одной женщине – одной вполне определенной женщине. Она была ангелом. Он жить без нее не мог. Она была единственной в мире, и все вселенная без нее была просто куском грязи в нефтяной луже. Ну, известно, какую чушь несут влюбленные.

Беда же была в том, что она дала ему окончательную и оче-

видную отставку, и сделала это в исключительно грубой форме, никак не стараясь пощадить его самолюбие. Она его продуманно унизила, уйдя с другим прямо на его глазах, щелкнув пальцами у него перед носом и бессердечно рассмеявшись в ответ на его слезы.

Я не утверждаю, что все эти действия совершались буквально. Я просто передаю, его переживания, которыми он со мной поделился. Мы тогда сидели и выпивали вот в этой самой комнате. Мое сердце обливалось кровью от сострадания, и я сказал ему:

– Мортенсон, вы меня простите, но не надо воспринимать это так трагически. Попробуйте рассудить здраво – в конце концов, она всего только женщина, каких тысяча в день проходит мимо этого окна.

Он горько ответил:

– Друг мой, не будет отныне женщин в моей жизни ни одной – кроме моей жены, общения с которой не всегда удастся избежать. Но этой я бы хотел как-то отплатить.

– Жене? – спросил я.

– Да нет, с чего бы это я решил ей платить? Я имею в виду ту, что бросила меня столь бессердечно.

– Отплатить – как именно?

– А черт меня побери, если я знаю, – сказал он.

– Может быть, я смогу помочь, – сказал я, ибо сердце мое все еще обливалось кровью сострадания. – Я могу воспользоваться услугами духа, обладающего сверхъестествен-

ной силой. Маленького, конечно, духа – я развел пальцы на пару сантиметров, давая понятие о его размере, – который и может сделать не больше, чем столько.

Я рассказал ему про Аззела, и он, разумеется, поверил. Я часто замечал, что мои рассказы весьма убедительны. Когда вы, старина, что-нибудь рассказываете, дух недоверия стоит такой густой, хоть топор вешай. Со мной по-другому. Нет ничего дороже репутации правдивого человека и честного, прямодушного вида.

Да, так я ему рассказал, и у него глаза заблестели. Он спросил, может ли демон устроить ей то, что он попросит.

– Только если это приемлемо, старина. Я надеюсь, у вас нет на уме ничего такого, как, например, заставить ее плохо пахнуть или чтобы у нее изо рта при разговоре выпрыгивала жаба.

– Конечно, нет, – сказал он с отвращением. – За кого вы меня принимаете? Она подарила мне два счастливых года, и я хочу ей сделать подарок не хуже. У вашего духа, говорите, ограниченные возможности?

– Он – маленькое существо, – сказал я и снова показал пальцами.

– Может он дать ей совершенный голос? Хотя бы на время? Хотя бы на одно выступление?

– Я его спрошу.

Предложение Мортенсона звучало в высшей степени поджентльменски. Его экс-симпатия пела кантаты, если я пра-

вильно называю это занятие, в местной церкви. В те дни у меня был прекрасный музыкальный слух, и я часто посещал подобные концерты (стараясь, конечно, держаться подальше от кружки для пожертвований). Мне нравилось, как она поет, да и публика принимала ее достаточно вежливо. Я в те времена считал, что ее нравственность несколько не соответствовала обстановке, но Мортенсон говорил, что для soprano допускаются исключения.

Итак, я обратился к Аззелу. Он охотно взялся помочь, без этих дурацких штук насчет того, чтобы отдать ему взамен душу. Помню, я его однажды спросил, не нужна ли ему моя душа, и оказалось, что он даже не знает, что это такое. Он спросил меня, что я имею в виду, и выяснилось, что я тоже не знаю. Дело в том, что в своем мире он настолько мелкая сошка, что для него большим успехом является сам факт переброски своей массы в нашу вселенную. Он просто любит помогать.

Аззел ответил, что может это устроить на три часа, а когда я передал ответ Мортенсону, тот сказал, что это будет великолепно. Мы выбрали тот вечер, в который она должна была петь Баха, или Генделя, или кого-то из этих старых композиторов и где ей полагалось долгое впечатляющее соло.

Мортенсон тем вечером направился в церковь, а я, конечно, пошел с ним. Я чувствовал себя ответственным за то, что должно было произойти, и хотел как следует понаблюдать за

ситуацией.

Мортенсон мрачно заявил:

– Я был на репетициях. Она пела, как всегда – как будто у нее есть хвост и кто-то на него все время наступает.

Раньше он описывал ее голос несколько иначе. Музыка сфер, говаривал он при случае, и самых горних сфер. Правда, она его бросила, а это иногда приводит к смене критериев.

Я строго посмотрел на него:

– Так не отзываються о женщине, которой собираются поднести столь бесценный дар.

– Не говорите ерунды. Я действительно хочу, чтобы ее голос стал совершенным. Воистину совершенным. И теперь, когда с моих глаз спала пелена влюбленности, я понимаю – ей есть куда расти, и долго. Как вы думаете, ваш дух даст ей этот голос?

– Изменение не должно начаться ранее 20.15. – Меня пронзил холодок подозрения. – Вы хотите, чтобы совершенство пришлось па репетицию, а на публике – разочарование и фиаско?

– Вы ничего не поняли, – ответил он.

Они начали чуть раньше, и когда она вышла в своем концертном платье, мои старые карманные часы, которые никогда не ошибались больше чем на две секунды, показывали 20.14. Она была не из этих субтильных сопрано – в ее щедрой конструкции было предусмотрено достаточно места для

такого резонанса на высоких нотах, который топил звук всего оркестра. Когда она забирала несколько галлонов воздуха и пускала его в дело, мне через несколько слоев текстиля было видно, что Мортенсон в ней нашел.

Она начала на своем обычном уровне, но ровно в 20.15 как будто добавился другой голос. Я увидел, как она аж подпрыгнула, не веря своим ушам, и рука, прижатая к диафрагме, задрожала.

Голос воспарил. Как будто у нее в груди был божественный орган совершеннейшей настройки. Каждая нота была совершенством, впервые рожденным в сию минуту, а все другие ноты той же высоты и тона – лишь бледные копии.

Каждая нота шла с нужным вибрато (если это правильное слово), разрастаясь или сжимаясь с неведомой прежде силой и мастерством. И с каждой нотой все лучше и лучше пела певица. Органист оторвался от нот и смотрел на нее, и – я не могу поклясться, но мне показалось – он бросил играть. Но если он и играл, я его не слышал. Когда пела она, никто бы ничего не услышал, Ничего, кроме ее голоса.

Выражение удивления на ее лице сменилось экзальтацией. Ноты, которые она держала в руках, опустились: они не были нужны. Голос пел сам по себе, и ей даже не нужно было его направлять или командовать. Дирижер застыл, а весь хор онемел.

Соло кончилось, и голос вступившего хора показался шепотом, как будто хористы стыдились своих голосов и того,

что они должны были звучать в той же церкви и в тот же вечер.

Остальная часть программы принадлежала ей. Когда она пела, только она и была слышна, даже если звучали голоса других. Когда она не пела, мы как бы погружались в темноту, и невыносимо было отсутствие света. А когда все кончилось – да, я знаю, в церкви не хлопают, но в тот вечер хлопали. Все, кто там был, встали как один, будто их, как марионеток, вздернула невидимая нить, и аплодисменты длились и длились, и было ясно, что так они будут хлопать всю ночь и перестанут, лишь если она снова запоет.

И она запела, и ее одинокий голос звучал на фоне шепчущего органа, и луч прожектора выхватил ее из тьмы световым пятном, и не было видно никого из хора – только ее.

Свобода и легкость. Вы не можете себе представить, как свободно, без малейшего усилия, лился ее голос. Я чуть уши себе не вывихнул, пытаюсь поймать момент, когда она вдохнет, понять, сколько она может держать одну ноту на полной силе голоса, имея только одну пару легких. Но это должно было кончиться – и кончилось. Даже аплодисменты стихли. И только тогда заметил я, как блестят глаза у Мортенсона рядом со мной и как всем своим существом он ушел в ее поющий голос. И только тогда начал я понимать, что сейчас произошло.

В конце концов, я-то прям, как эвклидова прямая, и с моим прямодушием я никак не мог предвидеть, что он заду-

мал. А вы, друг мой, настолько извилисты, что можете без единого поворота туловища взойти по винтовой лестнице, и по вашей кривой ухмылке я вижу, что вы уже догадались.

Это было, как если бы она была слепой от рождения и ровно на три часа обрела зрение, увидела формы и цвета удивительного окружающего нас мира, на который мы уже не обращаем внимания, потому что привыкли. Вот представьте себе, что увидели вы весь мир во всей славе его на три часа – и ослепли снова навеки!

Легко выносить слепоту, если не знал ничего другого. Но прозреть на три часа и снова ослепнуть? Этого не вынесет никто.

Конечно, эта женщина уже никогда не пела вновь. Но это еще не все. Настоящая трагедия постигла нас – каждого из публики. В течение трех часов мы слушали совершенную, понимаете – совершенную музыку, Как вы думаете, можем ли мы после этого слушать что-то другое?

Мне с тех пор словно медведь на ухо наступил. Вот недавно я тут пошел на один из этих рок-фестивалей, что нынче так популярны, просто чтобы себя проверить. Так вы не поверите, но я не мог разобрать ни одного мотива. Для меня это все как шум.

Одно мое утешение – Мортенсон, который слушал внимательнее всех и сосредоточеннее всех, ему и досталось больше всех, Теперь он носит ушные затычки, потому что не переносит никакого звука громче шепота. Так ему и надо!